

пораженных болезнью районов и применение огня как решительного средства уничтожения очагов инфекции.¹

Еще более значительный интерес, как нам кажется, публикуемый документ представляет с другой точки зрения. Перед нами еще одно, неизвестное ранее, произведение Ивана Грозного. По ряду признаков можно заключить, что эта грамота не только подписана, но и написана или продиктована царем. Об этом свидетельствует своеобразный стиль грамоты, присущий сочинениям Грозного, и даже самый тон державного окрика, обращенного к воеводам: ² «А ты, князь Михайло, почему к нам о поветрии не пишешь?! А послан ты на Кострому беречь для поветрея наперед Дмитрея и Данила Салтыковых. И ты для которого нашего дела послан а то забываешь, большую бражничаешь, и ты то воруеть!».

В этих словах весь Грозный. Неисполнение государственной службы для него, как обычно, так и здесь, выглядит личным оскорблением, вызывает прилив ярости, которая не мешает ему в следующей же за этим фразе перейти к деловому изложению, а в конце послания прорывается вновь свирепой угрозой: «А будет в вашем небрежении и рознью ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрея — и вам быть от нас самим сожженными».

Несмотря на жестокую реальность этой грозы напрашивается мысль о литературном характере ее происхождения. «... и вам быть от нас самим сожженными», подобно тому как вы там, в Костромском уезде, сжигаете трупы и имущество заболевших, — таков ход мыслей автора этих строк, пришедшего к угрозе — казнить именно сожжением, а не как-либо иначе, — через сравнение. Перед этими словами в грамоте ни разу не говорится ни о каком сожжении. Таким образом, предыдущий текст не давал оснований сказать: «быть вам самим сожженными» — и словосочетание это казалось бы не оправдано и непропорционально. Происхождение этого словосочетания могло быть только таким: когда автор грамоты говорил об эпидемической вспышке в Костромском уезде, перед ним возникали зрительные образы «поветренных мест», где в смрадном безмолвии омертвелых селений трещали костры из трупов и скарба их вчерашних жителей. Зрительные представления о том, о чем шла речь, могли возникать у всякого. Но такая сила образного мышления, при которой почти нет расстояния между образом и реальностью, когда мысль, порожденная образом, тут же принимает конкретно-деловое направление, — это уже не обычное явление. Это характерная, хорошо известная, многократно проявленная черта царя-писателя Ивана Грозного.³

Публикуемая одновременно другая грамота царя, от 21 августа 1580 года, является ответом на донесение воевод из Стародуба о захвате пленных и перебежчиков при отражении набега литовцев. Грамота, приказывающая повесить изменников и доставить в Москву пленных, явно продиктована царем в ответ на зачитанное донесение.

¹ Ср.: А. Ф. Змиев. Наши первые карантинные пункты не там где их искали. «Еженедельная клиническая газета» от 9 февраля 1888 г., стр. 112—113; Н. Новомбергский. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907, стр. 322—323.

² «В массе грамот, дошедших от времени Ивана, и при том данных от лица его. мы встречаем несколько таких, которые как будто стоят на грани литературных произведений и официальных документов» (И. Н. Жданов. Сочинения царя Ивана Васильевича. Сочинения, т. I, СПб., 1904, стр. 85).

³ «Тем и выдаются писания Ивана IV в ряду других памятников старорусской письменности, что в них резко отпечатались личные особенности душевного настроения и характера автора» (И. Н. Жданов, ук. соч., стр. 156; разрядка И. Н. Жданова).